

Зинаида Перегудова

Полиция и «либерализм» в Российской империи в 1880—1905 гг.*

Zinaida Peregudova

(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

Police and «liberalism» in the Russian Empire during 1880—1905

DOI: 10.31857/S086956870014483-2

В последние годы исследователи всё чаще проявляют интерес к политической полиции Российской империи: выходят новые работы, защищаются диссертации, посвящённые различным аспектам политического сыска — не только деятельности соответствующих учреждений, но и тем, кто в них служил, и, в частности, их подготовке, взглядам, интересам, контактам с обществом¹. К их числу принадлежит и оригинальная монография Л.В. Ульяновой, написанная на основе кандидатской диссертации, защищённой ещё в 2009 г. под руководством профессора Л.Г. Захаровой. В ней демонстрируется нетрадиционный подход к изучению истории охранительного ведомства в годы правления Александра III и в первое десятилетие царствования Николая II (до 17 октября 1905 г.): анализируя архивные материалы, прежде всего переписку служащих политической полиции, автор показывает их представления о либералах и либерализме.

Стоит отметить, что данный курс имеет и сильные, и слабые стороны. Сосредоточенность на комплексной реконструкции неизвестных ранее черт мировоззрения полицейских чинов позволяет лучше понять идейный облик той структуры, которая была

призвана «охранять» самодержавие. Это важно и продуктивно для изучения как политической полиции, так и правительственного аппарата империи в целом. При этом автор приходит к парадоксальному выводу, который не вписывается в сложившийся в историографии образ деятелей политической полиции как «охранителей», придававших своей службе исключительно карательно-репрессивную направленность. Ульянова на протяжении всей книги доказывает, что руководители сыска достаточно взвешенно воспринимали общественное движение и даже испытывали определённую симпатию к «либерализму», который, правда, понимали по-своему — совсем не так, как его трактовали тогда публицисты, а позднее историки. Авторская аргументация логически выстроена и опирается на достаточно обширную источниковую базу. Однако обоснование столь смелого концептуального построения требует дальнейшего погружения в архивные фонды как Департамента полиции, так и других учреждений и отдельных высокопоставленных лиц.

И едва ли тут могут помочь концепции европейских социологов и историков-антропологов (П. Бурдьё, К. Гинзбург), к которым часто прибегает Ульянова: их применимость к

* Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть, игры, игра властью. 1880—1905. СПб.: Алетейя, 2020. 358 с.

данной тематике весьма сомнительна, а использование социологических методов и соответствующих терминов (габитус, коммуникативное поле, модерн) скорее мешает восприятию собранного автором конкретно-исторического материала.

Исследование Ульяновой состоит из введения, четырёх глав и заключения. Его открывает подробный историографический обзор и развёрнутая характеристика источников — большого комплекса делопроизводственной переписки Департамента полиции, хранящейся в ГА РФ (ф. 102). Кроме того, в монографии вводятся в научный оборот документы из Архива ЦГИАМ (ГА РФ, ф. 4888), к которым Ульянова обратилась одна из первых, ещё во время подготовки кандидатской диссертации. Но, к сожалению, практически не охваченными остались фонды местных полицейских учреждений (охранных отделений, губернских жандармских управлений), в том числе и находящиеся в ГА РФ. Следует учесть, что если материалы, связанные, к примеру, со студенческим или рабочим движением, объединялись в Департаменте полиции в специальные дела, то сведения об отдельных лицах либеральных взглядов в рассматриваемый период никак не группировались и выявление их в описях требовало больших усилий (в заголовках редко указывались идейные предпочтения). Непросто было найти и достаточно точное и корректное определение самих понятий: либералы, оппозиция, либеральное и оппозиционное движение и т.п. Тем не менее Ульяновой удалось составить репрезентативную базу данных, скрупулёзно систематизировав все обнаруженные в делопроизводственной переписке случаи употребления слова «либерал» и производных от него. Это позволило построить графики, отражающие особенности полицейской

лексики, включая нюансы, характерные для представителей разных структур, а также периоды повышенного (или, наоборот, угасающего) внимания сотрудников сыска к «либерализму». Это стало несомненным достоинством работы.

В первой главе книги («Политическая полиция: структура, полномочия, люди») рассматриваются особенности организации сыска. Опираясь на имеющуюся историографию, исследовательница знакомит читателей с нормативно-правовыми актами, регулировавшими его деятельность, с численностью, компетенцией и формальными взаимоотношениями различных подразделений, а также с общим образовательным уровнем и профессиональной специализацией их служащих. Освещая эти аспекты, Ульянова делает интересные наблюдения по поводу административных и судебных способов ведения «политических дел», о применимости понятия «политические преступления» к подпольной деятельности, о задачах, решавшихся при издании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 14 августа 1881 г. (с. 65—69) и др. Она удачно выделяет в системе сыска три социально-профессиональные группы — служивших в Департаменте полиции, охранных отделениях и губернских жандармских управлениях (ГЖУ). Различия в их подходах, суждениях и оценках прослеживаются во всех главах книги. В частности, Ульянова убедительно показывает, что сотрудники ГЖУ и охранных отделений, имевшие в основном военное образование, «не грешили» либерализмом и обычно отзывались о либералах более жёстко и непримиримо.

Употребление понятия «либерализм» в полицейских документах анализируется Ульяновой в двух главах. Во второй главе («Что такое “либе-

рализм”? Неотрефлексированные образы делопроизводительной переписки») по беглым упоминаниям, сделанным порою мимоходом, без пояснений и «рефлексии», автор пытается раскрыть, какой смысл вкладывали в это слово в полиции, как её чины воспринимали организационные, профессиональные, социальные параметры «либерализма», его связь с революционными идеологиями, соотношение с конституционализмом и радикализмом, с оппозицией и т.п. Постепенно из этих представлений выстраивается целая картина.

Отдельный параграф Ульянова посвятила количественному анализу выявленных ею в материалах сыска упоминаний слова «либерал» и его слов-попутчиков (идеи, направление, деятель, группа, кружок, партия и т.д.). Подсчёты сделаны по годам, по структурам (Департамент полиции, охранные отделения, Заграничная агентура, губернские жандармские управления), а также совокупно по годам и структурам. В результате выясняется, к примеру, что ГЖУ писали о «либерализме» с момента появления «либеральных идей», тогда как в охранных отделениях и Департаменте полиции данный термин использовали преимущественно для характеристики той или иной организации (партии, кружка, лагеря и т.п.). Сопровождающие текст графики заметно облегчают его восприятие.

В центре третьей главы («Почему он популярен? Ресурсная база “либерализма” как предмет анализа политической полиции») оказывается отношение служащих сыска (точнее — различных его институций) к наличию в публичном пространстве либеральных «игроков», к их возможностям, «легальной политике» и популярности. Ульянова впервые в историографии комплексно описывает восприятие полицейскими чинами того, что при-

нято называть «оппозицией». То, что в Департаменте полиции видели разницу между «революционным» и «общественным» движением, известно давно. Но ещё никто не указывал на то, что именно «легальность» являлась главным критерием при оценке отдельных лиц, неформальных кружков и официально разрешённых властями объединений (в том числе и считавшихся «либеральными») и от неё во многом зависело то или иное регулирование или пресечение их деятельности со стороны МВД.

В четвёртой главе («Технология работы политического сыска с “либералами”») как раз разбираются меры, применявшиеся против «оппозиции», — негласное наблюдение, перлюстрация, внедрение секретной агентуры, личные контакты, административное и судебное преследование. Их рассмотрение предваряет небольшой обзор организации делопроизводства в Департаменте полиции в 1880-е гг. (с. 237—240). В нём, в частности, отмечены трудности, возникающие в случае непонимания внутренней логики комплектования дел — когда и по каким поводам они заводились, в чём состояла разница между видами подшивавшихся в них документов, какую функцию исполняли справки об отдельных лицах, с которых обычно начиналось их наполнение. Впрочем, так формировались дела только в первые годы. Впоследствии набор документов в деле и методы его формирования менялись.

Пожалуй, слабее всего выглядит параграф «“Карательно-репрессивный” функционал политического сыска и “либералы”». В нём приведено явно недостаточно примеров прекращения Департаментом полиции деятельности общественных организаций и выпуска периодических изданий, хотя указано около 50 случаев, когда власть стесняла или преследовала

видных представителей не только оппозиции, но и «легального пространства в целом». Не хватает и подсчёта численности судебных дел, заведённых против либералов по инициативе полиции, а также общего количества административных наказаний, наложенных на них по решению Особого совещания. Правда, отсутствие такого рода подсчётов отчасти объясняется размытостью самого термина «либерализм». Не всегда корректно приводятся в книге и наименования архивных фондов. Так, автор периодически пишет про «архив Департамента полиции», подразумевая фонд, в котором находится и архив этого государственного учреждения.

В целом, взгляды, идейные симпатии и антипатии жандармских офицеров и чиновников Департамента полиции нуждаются ещё в дальнейшем изучении. Трудно, к примеру, согласиться с мнением автора, будто руководящее звено политического сыска не только не противилось принятию Манифеста 17 октября 1905 г.,

но и психологически давно было готово к превращению самодержавия в конституционную монархию (с. 318). Столь смелые утверждения нуждаются в более развёрнутом и убедительном обосновании.

В то же время Л.В. Ульянова впервые в историографии провела комплексный, фундированный анализ представлений полицейских чинов о либерализме. В научный оборот введено большое количество новых источников, что является важным шагом вперёд в изучении правительственного аппарата Российской империи конца XIX — начала XX в.

Примечание

¹ Лаврёнова А.М. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880—1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2018; Медведев С.В. Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в. М., 2018; Страхов Л.В., Перегудов А.В. Воронежские жандармы в эпоху модерна. Воронеж, 2019; Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913—1917 гг. М., 2020; и др.

* * *

Анна Лаврёнова

Либеральное слово и полицейское дело*

Anna Lavryonova

(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

Liberal words and the police's deals

DOI: 10.31857/S086956870014484-3

В беседе с народоволкой П.С. Ивановской инспектор Санкт-Петербургского охранного отделения подполковник Г.П. Судейкин говорил: «Во главе русского прогресса теперь революционеры и жандармы! Они скачут верхами рысью, за ними на почтовых едут либералы, тянутся на долгих простые обы-

ватели, а сзади пешком идут мужики»¹. И хотя знаменитый сыщик скорее выдавал желаемое за действительное, но уж точно не отводил либералам главенствующую роль в борьбе, развернувшейся тогда на просторах империи. И, вероятно, в этом он был отнюдь не одинок. Во всяком случае, в доку-

* Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880—1905. СПб.: Алетейя, 2020. 358 с.